

Алексей Белый

Доктор Моне

18+

Алексей Белый

Доктор Монэ

<https://litres.ru/74009794>

SelfPub; 2026

Аннотация

Некоторые люди забывают, о границах, дозволенных им богом, переступая черту, они попадают в отражение большого зеркала жизни, где их настигает собственная тень, карая за содеянное.

Содержание

ДОКТОР МОНЕ	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. «ИСКАТЕЛЬ»	4
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. «ВОЗВЫШЕНИЕ НЕСУЩЕЙ СМЕРТЬ»	53
Россия, Москва	57
Великобритания, Лондон	61
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. «ЦИРК НА ПЕРВОМ СВИДАНИИ»	65
Россия, Москва	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Алексей Белый

Доктор Монэ

ДОКТОР МОНЭ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. «ИСКАТЕЛЬ»

Я паковала чемоданы для свадебного путешествия. Пришлось остановиться на Калининграде. Семенов оказался невыездным, уверена, что это во многом из-за нашей совместной работы... И, если с начальством своего мужа я еще могла бы потягаться, то против Настинного заключения не попрешь. Ее арест под моим неусыпным наблюдением оказался непобедим. Вывозить за границу заключенных мне бы даже со всеми нашими связями не разрешили.

Вите дали отпуск всего на две недели. Впрочем, я знала за кого выходила замуж, так что не расстроилась. Две, так две. А Калининград почти за граница. И вообще, главное настрой. Конечно, дети будут мешаться под боком, ну да лад-

но. Настя посидит с Димкой. Ничего с ними не случится.

Василиса заканчивала собираться. Сегодня у нее была деловая встреча, которая, как она надеялась, перерастет в свидание.

Несколько месяцев назад Вася наткнулась на одном из интернет-порталов для писателей на триллер о маньяках. Тема эта ей всегда нравилась, и книга оказалась жутко увлекательной и также жутко коряво написанной. Она предложила свои услуги редактора и корректора автору. Очень уж ей хотелось, чтобы эту книгу увидело как можно больше людей. Она того стоила.

Девушка переписывалась с автором уже несколько месяцев. Они обсуждали его книгу и все на свете. С Максимом было очень легко общаться. Иногда Вася задумывалась, почему его сообщения куда грамотнее, чем роман, но отметала эти мысли, списывая на свою паранойю.

Неделю назад она, наконец, закончила с первой частью книги, и они с Максимом планировали отметить это событие личной встречей в одном из кафе Петербурга. Место выбирал благодарный писатель. Василисе нужно было только прыгнуть в такси и выйти возле кафе.

Эта излишняя таинственность, которую развел Максим, увлекала девушку, заставляя ожидать личного знакомства

еще больше. Сразу видно – творческая личность!

Ровно в восемь вечера к подъезду подъехало такси, в которое Василиса села не раздумывая.

Ехали долго. Улицы Петербурга тонули в ночной темноте, разгоняемой светом фонарей и фар автомобилей. Вася то и дело поправляла волосы, сомневаясь, достаточно ли хорошо выглядит. Она давно нигде не была. Все время занимали книги и работа.

Когда такси остановилось возле небольшого уютного ресторанчика, девушка попрощалась с водителем и зашла внутрь. Ей нужен был человек с газетой и розой на столике. Это условие казалось ей ужасно старомодным и милым одновременно. Максим не захотел обмениваться номерами, они только переписывались по почте, и теперь Вася должна была узнать его таким вот дедовским методом.

Наткнувшись на нужного мужчину взглядом, Василиса приветливо улыбнулась. Писатель оказался очень приятным внешне. Таким спокойно-уютным. Как-то так она себе его и представляла.

Дальнейший вечер проходил за очень увлекательной беседой под вкусный кофе с пирожными. Они обсуждали маньяков, убийства и его новую книгу, которая сейчас пишется. Вася не знала, почему ей так нравятся триллеры и детективы, но, кажется, нашла родственную душу в Максиме.

После посиделок в кафе Макс предложил поехать к нему и посмотреть какой-нибудь детектив. Почему-то Василису

это предложение совершенно не насторожило. Они так много переписывались, а потом общались сегодня вечером, что Максим казался ей очень хорошим другом с прицелом на что-то большее.

Он снова вызвал такси, которое мчалось куда-то за город. По дороге парочка продолжала беседовать. Вася не насторожилась даже, когда такси остановилось возле какой-то машины, стоящей на обочине около леса. Макс объяснил, что не любит ездить по городу, поэтому оставляет машину либо у станции, либо у места, откуда быстрее вызвать такси. Они пересели в машину писателя и поехали дальше.

Дом Максима оказался небольшим, но очень уютно-деревяннным. Васе такое нравилось. Макс вообще был довольно старомодным, что сейчас выглядело очень романтичным и мужественным.

– Проходи, располагайся. Кинотеатр у меня в подвале, – мужчина протянул ей руку, и они по лестнице начали спускаться вниз.

В полутемной комнате светился только экран проектора, на котором крутилось слайд-шоу из фото трупов. В этот момент Василисе стало не по себе, но виду она не подала; когда Максим захлопнул дверь в подвал, девушка вздрогнула от громкого звука.

– Посмотри, это мое искусство, правда, прекрасно? – мужчина указал на экран.

Василиса испуганно обернулась, и ее взгляд упал на полку

над кроватью: там стояло несколько банок, в которых плавали человеческие глаза. Почему-то она точно знала, что это не муляж. Крик ей удалось сдержать, как и нейтральное выражение лица. Она просто оцепенела от ужаса.

– Ах, это... Мои бывшие девушки не смогли оценить моего искусства, теперь они наблюдают за ним постоянно. Ты другая, верно? – убийца подошел к ней и ласково обнял, глядя по волосам.

– Верно, – пролепетала она. – Я понимаю тебя.

Внутри у нее все переворачивалось от ужаса. Интересоваться книгами и фильмами о маньяках это одно, а стать подругой одного из них – совсем другое. Вася прекрасно понимала, что он ее не выпустит до тех пор, пока не будет полностью уверен, что она на его стороне, а если он уверен не будет, то Василиса станет еще одной парой глаз в банке. У нее есть только один выход – убедить его в том, что она влюблена по уши и разделяет его взгляды. Остается молиться, что ее исчезновение кто-то заметит... Наверняка этих девушек из банок тоже ищут. Если совсем повезет, за дело возьмется психолог-консультант Следственного комитета Галактика Каримовна Моне. Василиса перечитала все ее работы и восхищалась умом этой женщины.

«Гала Каримовна, помогите!» – молча кричала Василиса, оставшаяся в объятиях маньяка.

Вася прекрасно понимала, что либо умрет, либо свихнется: начнет его понимать и принимать или захочет убивать

сама.

Наше свадебное путешествие закончилось за три дня. Когда стоишь на страже порядка, выбирать не приходится. Нас с Семеновым выдернули из отпуска в приказном порядке. Пришлось снова паковать чемоданы и вылетать в Питер. СК даже няньку для Насти и Димки прислал. Няньку в погонах, который отконвоировал наших детей домой и присмотрит за ними до окончания очень срочного дела.

Мы с Семеновым ехали в Гатчину на встречу со следователями из Ленинградской области, которые, судя по переданным мне уголовным делам, приютили у себя на территории маньяка и уже два года холят и подкармливают его.

– Уже восемь трупов, почему они так поздно сообщили вам об этом? – не выдержав тишины в салоне, спросила я у Семенова.

– Думаю, это связано с тем, что руководитель по делу, полковник Ленинградского Следкома, однокашник нашего генерала, они всю свою жизнь соперничают. Когда накрыли ОПГ в Ленинградской области и однокашнику генерала вручили орден, генерал заставил отдел по организованной преступности жить на работе, пока они не докажут вину всех своих подозреваемых, – поделился Семенов. – Теперь полковник прокололся, он уже получил взбучку от председате-

ля, и генерал предложил свою помощь по расследованию дела.

– Вы мужчины, как дети ей богу. Один генерал, другой полковник, все чего-то друг другу доказать пытаются, чувствую без женщины тут не обошлось, – сделала вывод я и достала из сумочки планшет.

В деле была замечательная подборка из фотографий жертв: одна при жизни, а вторая после убийства. Я решила вновь их просмотреть.

– Странно, но нашему маньяку ровным счетом наплевать, как выглядят его жертвы, ни одна женщина не похожа на другую: ни ростом, ни возрастом, ни прической и, если откровенно, большая часть из них даже не симпатичные. Ему от них нужно было другое, – вслух размышляла я.

– Глаза, – мрачно заметил Семенов.

– Нет, глаза – это только символ его желания. Думаю, что он хотел, чтобы они смотрели куда-то или на что-то, возможно, он художник или фотограф, который, как и все творческие люди, получает наслаждение от того, что люди любят его произведениями, – продолжила размышлять я. – Или это может быть наказанием... Вечно смотреть на что-то отвратительное. Может быть, они, наоборот, не оценили его талант. А так как у нас не куклы-мумии, а глаза... Скорее даже второе... Тот, кто хотел бы восхищения, создавал бы зрителей, а не выковыривал глаза.

– Почему ты решила, что это он? – перебил Семенов.

– Я приверженка традиционных ценностей, – пошутила я в ответ и продолжила: – Он обладает харизмой, очарованием, но не красавчик, девушек с красивой внешностью в его коллекции немного, скорее всего, хорошо одевается и ухаживает за собой.

Уже в Гатчине на совещании я высказала свои предположения, но коллеги скептически отнеслись к портрету маньяка, намекнув мне, что это Питер, здесь каждый второй художник или фотограф, и все носят модные бренды и стригутся в барбершопах.

Судмедэксперт подтвердил мое предположение, что это мужчина: удары ножом были глубокие и сильные, иногда кончик ножа пробивал кость на позвоночнике, – женщина вряд ли могла нанести такой удар, и еще он сообщил очень важную деталь, наш маньяк оказался левшой, этого я не заметила.

После вводного совещания мы с Семеновым сняли номер в гостинице с красивым видом на парк и озеро Белое, неподалеку находилось второе озеро с названием Черное, но оно было уже в черте города.

После телефонного звонка детям мы с Семеновым прогулялись по мощеным дорожкам парка. Присмотрев уютное кафе, Семенов предложил перекусить в нем. За стаканом коньяка я поинтересовалась его мнением о расследовании.

– Пока кроме размытого портрета, нарисованного тобой и восьми трупов, я не вижу ничего, – честно ответил он и, сде-

лав паузу, продолжил: – Слишком мало работы проведено, нужно повторно опросить друзей, знакомых, родственников жертв. Местные явно надеялись спустить все на тормозах. Хотя я не понимаю, на что они рассчитывали, такое дело не могло остаться незамеченным. На хулиганов и мигрантов не спишешь.

– Тут я с тобой полностью согласна, интервалы между убийствами порядка трех месяцев, возможно, он следил за ними или ухаживал, кто-то должен был его заметить, может и жертвы рассказывали о ком-то новом в своих жизнях, – разделила точку зрения Виктора я.

Следующий день я провела на кровати пялясь в планшет, вставая только чтобы выпить кофе или коньяк, а иногда и то, и то сразу. Мне не давала покоя их связь. Почему именно эти женщины? Судя по фото у них даже глаза разного цвета... Каким образом они все оказались в его власти?

В одно мгновение несуществующая рука превратила мое существование в страдание, резкая боль поразила меня так, что кружка кофе упала на кровать, прижимая руку к животу, я выскочила из кровати, убегая от стекающего на меня кофе.

Взгляд упал на календарь, а в памяти начали всплывать даты, последнее убийство было ровно восемьдесят один день назад, а это значит, что он сейчас на охоте или поймал очередную жертву, о чем призрак моей руки знает больше.

– Глаза я тебе точно вырежу! – прошипела я в тишину, прижимая к себе протез и выливая в стакан остатки коньяка

из бутылки.

Когда стакан опустел, я попросила Семенова купить пару бутылок абсента, на что он даже не возразил, а только сказал, что ему придется сделать крюк, а мне придется подождать. Когда Витя вернулся в гостиницу, первым делом я забрала у него бутылку и, налив стакан, выпила его. Ожог горла и желудка буквально снимали слой за слоем боль с руки.

– Спасибо, дорогой! – выпив стакан абсента и повернувшись к Семенову, произнесла я.

– Я знаю, что тебе больно, но, боль не приходит просто так. Что случилось? – спросил Виктор, культурно выкладывая в морозилку вторую литровую бутылку абсента.

– Ты видел календарь? Прошло почти три месяца с последнего убийства, пора собирать урожай! – громко произнесла я и выпила второй стакан, так как первый не унял боль. Странное ощущение, но призрак руки просто поглощал алкоголь в моей крови, либо мой мозг работал с такой силой, что весь этот яд просто перерабатывался в энергию для вращения мыслей. Я была абсолютно трезва, а боль не стихла, и это меня пугало. Следующим этапом останавливать боль была наркота, любезно выписанная мной мне. И я пошла к аптечке, спрятанной в туалете.

Семенов крепко схватил меня за руку и остановил.

– Там нет того, за чем ты пошла. Я все выбросил. Я знаю, что это, и через год их применения твой мозг превратится в помойное ведро, – грубо произнес он, по-прежнему сильно

сжимаемая запястьем моей здоровой руки.

– Отпусти! – произнесла я, и он подчинился.

Я поняла, что боль, которую я терплю уже больше десяти лет, совсем не та боль, которую я получу, если потеряю Семенова.

– Извини меня, Виктор, и прошу, наполни стакан.

– Гала, ты одна из умнейших людей на планете, не стоит. Просто не стоит это того! – сказал он, отвернувшись и наливая в стакан абсент.

– Что ты узнал? – спросила я и, принимая стакан из рук Семенова, чмокнула его в губы.

– Немного, я сегодня успел поговорить со свидетелями по делам только двух жертв, но это интересно. Все обратили внимание на то, что жертвы стали следить за собой, хотя из дома почти не выходили... – Начал рассказывать Семенов.

– Интернет! Мать его! – поняла я и продолжила: – Сейчас в интернете встретить маньяка намного проще, чем в темном парке в самом ужасном районе любого города.

– Что ты предлагаешь? – поинтересовался Семенов.

– Попробую не разорить вашу контору, но мне нужна помощь профи, чтобы вычислить адресата, а эти подружки Лиза и Люся дерут просто огромные деньги, я узнаю стоимость услуги, а тебе придется договариваться со своим руководством, чтобы ее оплатили, – обозначила я задачи своему мужу, после чего подошла к нему и, обняв, повалила на кровать.

Лиза и Люся были частными детективами. Первоклассными. Мы познакомились пару лет назад, когда они обратились ко мне за консультацией по психологическому портрету одного из преступников, которого искали. С тех пор мы иногда пользуемся услугами друг друга. Я прошу кого-то найти, они – кого-то описать. Стоят эти услуги крайне дорого...

Семенов, целуя меня, выплеснул токсичный яд: – Когда-то Галактика Моне ловила маньяков без чужой помощи даже в глубине леса.

Я вскипела так, что даже затухающая боль в руке убежала с криками.

– Ты сейчас сказал, что я постарела?! – сидя верхом на офицере специального отдела Следственного комитета, спросила я.

– Почему сразу постарела, просто расслабилась, со своими подружками, они за тебя делают всю работу, ты только выходишь на охоту на загнанного зверя, – искренне сказал он.

Убить мне его хотелось прямо сейчас, и я сняла протез. Меч раскрылся, и я приставила его лезвие к горлу Семенова.

– Семенов, восемь женщин погибло, а ты бросаешь мне вызов? – спросила я.

– Да, с детьми ты, наверное, и забыла, что значит настоящий офицер в постели! – произнеся это, он каким-то приемом скрутил меня и оказался сверху.

Под утро я капитулировала и, выпив стакан абсента, сва-

рила себе и Семенову кофе.

– И как тебе старушка? – спросила я, когда он подошел за кофе. В ответ он начал целовать меня с губ и закончил на лодыжках.

– Гала, посмотри на себя, девочки в двадцать лет выглядят в разы хуже тебя, ты идеальная. Больше всего в жизни я горжусь тем, что ты моя жена! В этом мире любой мужчина хотел бы тебя в жены, а ты моя. И любишь меня! – поцеловав меня в губы, довольно засмеялся он.

– Семенов, я наверняка тебя убью! – ответила я на его смех.

Василиса провела в доме Максима уже две недели, во всяком случае, так ей казалось.

Кроме того, что мужчина кайфовал от убийств, он был все тем же интересным собеседником и внимательным партнером. Днем они вместе выходили гулять по саду его дома. Вася не пыталась сбежать, потому что понимала, что сбежать из загородного поселка не так-то просто – нет никакой гарантии, что первые же соседи ей откроют, что они вообще будут там или мимо проедет такси, которое ее подберет. Это только в кино можно скрыться от маньяка, и то, смотря какого жанра фильм...

Девушка просто старалась вести себя естественно и не вы-

зывать у Максима подозрений в том, что она не разделяет его взглядов на искусство из человеческих тел. Хотя, надо отдать должное, фотографии с трупами, которые показывал ей фотограф, были по-своему прекрасны, если бы были инсценировкой, а не реальными убийствами. Вася вспомнила, некоторые из этих убийств, очень уж они оказались запоминающимися: кто-то убивал людей по всей стране, воспроизводя картины с пытками святых с полотен художников. Маньяка так и не поймали, потому что в какой-то момент он просто исчез, перестав убивать. Теперь Василиса знала, почему – решил найти себе пару и того, кто разделит его увлечение... Вот только предыдущие восемь кандидаток не оценили красоты фотографий Максима.

– Доброе утро, дорогая, – дверь в подвал открылась, на пороге стоял Максим с подносом еды.

Запах кофе и свежих булочек вызвал у Василисы воспоминания о детстве, когда мама каждое утро готовила отцу кофе, пекла булочки и кормила всю семью. Как ей хотелось вернуться туда, в счастливое детство и вырваться из этого ада, который начинал ее увлекать.

Эти постоянные слайд-шоу с телами, замаскированными под картины, которые Вася не могла отключить, проникали в ее подсознание. Она заражалась идеями Макса, переставала считать их такими уж сумасшедшими. Может быть, в этом искусстве, действительно, есть смысл, а не только ужас.

Семенов все-таки задел мое самолюбие, и я решила не обращаться к детективам Лизе и Люсе, а найти птенчика самостоятельно. Теперь после того, как полиция сделала программу с моим методом поиска, я на планшете обозначила места, где находили трупы, приложение создало круг и вывело его центр в южный пригород Санкт-Петербурга, куда попали три довольно густонаселенных поселка. Мне было понятно, что свои преступления маньяк совершал у себя дома. Операция по извлечению глаз – сложная процедура, а, судя по ранам на жертвах, он делал это очень аккуратно чтобы не повредить глазные яблоки. Такую операцию не сделаешь, озираясь по сторонам. По расстоянию от центра круга до мест обнаружения трупов, которое достигало двухсот километров, было понятно, что у него очень дорогая машина, такая на которой можно возить трупы не боясь, что тебя остановит патруль инспекции безопасности дорожного движения. Полицейские не любят без ориентировки тормозить дорогие автомобили, во-первых, если они нарушают правила, их сложно догнать, а во-вторых, это всегда заканчивается судом. Богатые за то и платят юристам большие деньги, чтобы те оспаривали все, что им не понравится и наказывали оппонентов.

Может быть художник в Питере и каждый второй, но бо-

гатых художников не так уж и много в этих местах.

Хотя в мою голову закралось сомнение, что мой маньяк популярный художник. Художником скорее всего он считает сам себя. Обычный художник зрителем выбрал бы красивую девушку, которая могла бы радовать его взор. Здесь же было что-то другое, не только разделение его вкуса.

Я набрала номер Семенова и, когда он поднял трубку спросила: – Почему ты со мной, маньяком, а не с хорошей полицейшей?

– Что за дурацкий вопрос? Потому что я люблю тебя! – недоумевая, ответил он.

Услышав его ответ, я положила трубку.

Похоже мой маньяк ищет любовь, родственную душу, как он и, если девушка не подходит на эту роль, наказывает претендентку, оставляя ее глаза наблюдать, какой бы могла стать жизнь, если бы она не отвергла его мир.

Банки с глазами Василиса трогать боялась, хотя больше всего на свете хотела их куда-нибудь убрать. Ей казалось, что она куда трусливее этих девушек, которые попытались дать отпор маньяку и погибли. Наверное, ей стоило поступить также, а не пытаться выжить в этом дурдоме эстетичных трупов.

Вася все думала, тут он их убивал и потом выбрасывал

или все-таки это происходило где-то в другом месте. Подвал оказался чистым и уютным, если не считать чертова проектора с мертвыми людьми и банок на полке. Неужели можно так убраться после извлечения чьих-то глаз?

Максим появлялся теперь реже, судя по всему, он вышел на работу. Фотографом. Ну почему этот талантливый человек с совершенно уехавшей психикой? Почему Василисе не мог встретиться такой вот Макс, но без маньячной составляющей? Она бы как в кино встретила крутого парня, которого увлекли ее мозги, а не напускной лоск, которого девушка себе позволить не могла.

Почти целыми днями Вася сидела одна в подвале. Радовало, что кроме экрана в комнате были еще и шкафы с книгами, а еще ноутбук без выхода в интернет, к сожалению. Но на нем можно было продолжить редактировать книги Максима. Стараясь не сойти с ума, Василиса отгородилась от реальности, она всем правдами и неправдами убеждала себя в том, что происходящее – часть сюжета книги. Она все отредактирует и выйдет отсюда, вернется к своей скучной, но вменяемой жизни без реального насилия и убийств, будет смотреть какого-нибудь «Ганнибала» и гадать, как же возможно, что образованный эстет сошел с ума и заикнулся на убийствах.

Все, что происходит с Василисой сейчас – не реально. Это просто разыгравшееся воображение. Сон. Бред. Фантазия. Когда-нибудь она очнется, и все будет как раньше.

Вася сама не заметила, что смотрит на очередную фото-

графию с трупом и восхищенно улыбается. Нет, ну правда, в том, как играет свет на одеревеневших мускулах, в том, как стекает кровь по телу – есть своя красота, застывшая навечно. Такая красота куда лучше той, что исчезнет через пару лет. Она гораздо лучше той красоты, которую отберет старость.

– Это, мать твою, еще что?! – воскликнула я, сидя одна в номере с планшетом.

Моя несуществующая рука не болела, как это бывает обычно, а горела так, будто ее облили бензином и подожгли, несуществующие пальцы искрились, как бикфордов шнур. От руки все тело начало разогреваться. Медицину я знала, но таких симптомов не припоминала. Казалась, что шелк на мне сейчас расплавится. Включив в ванной ледяную воду, я легла в нее.

Что это со мной творится? В голове замелькали картинки о жизни с Семеновым вперемешку с воспоминаниями ловли и казни дичи. В какой-то момент я закрыла глаза и попала в крошечную тьму. Ощущения были странные, все происходило на уровне подсознания. Тень мучительно рождает очередного ребенка, а я радуюсь, нет не удачным родам тени, а новой охоте.

Очнувшись в ледяной воде от того, что тело начало тря-

сти от переохлаждения, я спустила воду и принялась отогреться под теплой струей, льющейся из крана.

«Похоже, Гала, крыша твоя теряет фундамент, раз ты уже путешествуешь по своему бессознательному», – подумала я, вылезая из ванной и надевая халат.

Максим был на выездной съемке. Сегодня проходил показ новой коллекции очередного молодого модного дизайнера. Анорексичного типа девушки вышагивали в нелепых платьях. Глядя на все это, Максу захотелось выкинуть фотоаппарат в мусорку и больше никогда не заниматься съемками, но в этот момент в голову пришли приятные воспоминания о первом настоящем произведении искусства. Тогда тоже был показ коллекции, только одежда представлялась в стили милитари, и моделями выступали brutальные мужчины. Когда он увидел одного из манекенщиков, что-то в голове Максима щелкнуло, и он понял, что этот мужчина прямо копия святого Эразма с картины Пуссена.

В этот момент фотограф понял, что нужно спасти этого человека от жуткой современности и сделать его частью мира искусства, увековечить на своем снимке. Сам не понял как, он предложил ему индивидуальную фотосессию через неделю. Ваня согласился.

Всю эту неделю Макс готовился. Изучал, как человека

обездвижить, чтобы не испортить вид. Закупил ткань, лебедку, сам смастерил скамью, на которой планировал устроить своего Эразма. Потом искал место, где бы его не потревожили. К началу фотосъемки все было готово. Он спланировал, как и куда доставить свою модель. Решил взять на права Ивана каршеринг. Сейчас их везде полно, и машины эти не привлекают к себе внимания. Вот он плюс больших городов. Камеры, конечно, напрягают, но это не беда, в квартале, который он выбрал для своего шедевра, их мало. К тому же искать мужчину в темной куртке с капюшоном в многомиллионном городе можно вечно. И все пути отхода он уже тоже продумал. Оставалось дожидаться Ивана...

Максим изнывал от нетерпения. Он чувствовал, что рожден для этого! Когда мир будет готов увидеть его шедевры, все поймут, что Макс гений. Все, кто считал его посредственностью, заткнутся! А главное заткнется его отец, который никогда не верил в сына. Все бил его и орал, что фотограф – не профессия, что надо идти на завод, а не становиться позором семьи. Он им всем покажет, что такое искусство! Они все поймут, как ошибались!

Опоить Ивана снотворным оказалось просто. Сработал стандартный метод соблазнительниц из фильмов – алкоголь и клофелин. Все гениальное – просто. Потом Максим разблокировал телефон своей модели, нашел приложение каршеринга, выбрал машину поблизости, подогнал ко входу в студию. В это время в здании никого не было, поэтому по-

пасться Максим не боялся. Он тащил мужчину к машине и все думал, как удачно вышло, что он видел, как Иван уезжал на каршеринге с показа. Звезды помогают ему. Все складывается идеально. Сама Вселенная хочет, чтобы он творил!

Уложив мужчину на заднее сидение, он вернулся за скамьей. Пришлось складывать ее по частям, потому что целиком она не влезла. Что ж, для этого люди и придумали шуруповерты... Макс ехал к одному из домов, которые готовили под снос по реновации. Люди все еще вывозили оттуда вещи, так что машина никого не удивит. Но вот шанс наткнуться на кого-то ночью – минимальный. Макс провел тут две ночи. Совершенно безопасно.

Для своего шедевра он присмотрел квартиру на втором этаже, она была не заперта, и зал в ней уже опустел – как чистый холст. Идеально!

Тащить взрослого мужчину вверх по лестнице оказалось куда сложнее, чем вниз. Лифта в доме, естественно, не было, а даже, если бы был, он бы уже не работал. Скамью Максим еле донес. Потом еще пришлось спускаться за лебедкой и тканями, а также за клеенкой.

Он как раз успел связать руки Ивана кабельной стяжкой, двумя на всякий случай, срезать с него одежду, установить скамью, разложить красную ткань, обернуть бедра своей модели белым полотном и затащить его на скамью, когда мужчина очнулся. Голова его свешивалась вниз со скамьи, что вместе с остаточным действием снотворного замедляло мыс-

лительный процесс. Иван не понимал, что происходит, не мог пошевелить руками. Голова раскалывалась, а кляп, который ему зачихнули в рот, когда он уже очнулся, мешал дышать.

– Потерпи, мой Эразм. Сейчас я освобожу тебя от этой прогнившей реальности, ты останешься в веках, – Иван заметил в руках фотографа нож.

Попытался освободиться, но тщетно, ноги его тоже были привязаны к чему-то.

– Не дергайся! Ты поранишь ноги, а ноги должны быть чистыми, как ты не понимаешь, это же искусство! А ради искусства можно потерпеть!

Разрез на животе дался Максиму легко. Нож он заточил так, что даже в руки его брать было страшно. Кровь, конечно, пошла, но меньше, чем он предполагал. Она стекала на клеенку. Ее потом легко будет убрать.

Вытащить кишки тоже не так уж и сложно, главное найти конец, который стоит отсечь.

Он привязал конец к лебедке и начал постепенно накручивать. Иван был все еще жив. В его глазах читалась нестерпимая мука.

– Все правильно, мой Эразм, так и должно быть! Ты почти свободен! А благодаря твоей свободе, свободным стану и я. Я создам шедевр и тоже останусь в веках.

В какой момент умер Иван, Максим не заметил, так увлекся процессом.

Когда кишка натянулась, фотограф остановился. Он поднялся со своего места, срезал путы с ног модели, растер их, чтобы скрыть борозды от связывания. Результат ему не понравился, но для этого существует Фотошоп. Кабельные стяжки он заменил на веревки. Тщательно смыл всю кровь с тела своего Эразма, утащил кровавую клеенку из кадра. Ему так понравилось, что Иван умер с широко раскрытыми глазами. Они были прекрасны! Темные и полные боли. То, что нужно для шедевра! С натурщиком он не ошибся.

Вспышка чужого фотоаппарата выдернула Максима из приятных воспоминаний. Ему снова пришлось заняться этим утилитарным ремеслом. Фотографии за деньги... Какая пошлость и грязь. Радовало только то, что теперь у него есть Василиса! Она его понимает. Еще немножко и она станет его половинкой!

«Каждый творческий человек, каким бы он ни был, всегда будет искать аудиторию для показа своего творчества. Сначала люди начинают творить для себя, как хобби, потом знакомят со своим произведением родных и друзей, а дальше хочется больше оценок. Не лестных из ближних кругов, а настоящих, и творцы выходят на простор – выставки, встречи, показы. В современном мире простор дают популярные социальные сети, поэтому там я могу познакомиться с ним.

Осталось только закинуть наживку», – рассматривая трупы жертв с глазами, вырезанными с идеальной точностью и аккуратностью, размышляла я.

Разрезы век на всех жертвах были настолько ровные, что становилось понятно, он не мог сделать это плохо, как обычный художник не мог нарисовать натюрморт, не соблюдая все пропорции и правила ремесла.

– Вот, что ты любишь! Изящно изуродованные трупы! – произнесла я вслух, придя, как мне кажется, к правильному выводу.

По работе в Университете у меня скопилось множество снимков с мест самых разных преступлений. Выбрав из своей фототеки самые впечатляющие фотографии жертв маньяков, я поняла, что большая часть из них, это моих рук дело. После чего я открыла ноутбук Семенова и прошерстила все последние дела его отдела, где наткнулась на интересное фото, напоминающее картину Николая Пуссена. Фото я переслала в свою коллекцию, а, ознакомившись с делом, сменила название папки на «ЛОЖЬ» и оставила ее на середине рабочего стола Семенова.

Если наш маньяк ищет славы на просторах интернета, то явно не в России. В нашей стране с такими картинками на странице тебя заблокируют моментально, а могут и арестовать, следовательно, нужно искать популярные сети в толерантных странах «Сада земных наслаждений», пахнущего серой. Таких сетей оказалось немного, но достаточно, что-

бы потерять кучу времени, если пытаться разместиться во всех. По рейтингу я определила самую крупную и наиболее посещаемую сетку и начала с нее. Назвав себя именем богини Кали, выкладывала фотографию за фотографией. Если он смотрит, то точно свяжется со мной, я же похитила его шедевр... Я расписала всю красоту этого полотна, нахваливая свою гениальность, как художника. Уверена, если серийник увидит вора в моем лице, взбесится так, что потеряет голову.

Выкладывая жуткие фотографии и создавая длинные комментарии, я в творческом порыве опустошила целую бутылку коньяка, и когда вернулся Семенов, находилась в состоянии патологоанатома после очередного вскрытия трупа.

– Как дела? – зайдя в номер, поинтересовался Семенов.

– Устала, весь день пишу комментарии в соцсетях, да еще и на английском, – честно призналась я.

– По психологии? – снова задал вопрос Виктор, подозревая, что я вновь вернулась к научной работе.

– По ней, кормилице, по ней – ответила я и, закрыв свой ноутбук, продолжила: – Своди меня в ресторан; кроме калорий из коньяка, я сегодня ничего не ела.

В уютном ресторанчике я спросила Семенова про дело, которое у него болталось в рабочих папках.

– Оно давно висит, почти закрыто. На месте преступления поймали двух уголовников, у которых по пятнадцать лет тюрьмы за плечами. Бывший житель дома сообщил, что видел мародеров, заходящих в дом, и патруль их накрыл. Сна-

чала отпирались, мол нашли труп и вещи нетронутые, вот и хотели прибрать. Но следователь их додавил, оба только вышли из тюрьмы, где, кстати, сидели за убийство: увидели метросексуала, вот, видать, кровь и взыграла, замучили беднягу, – вкратце поведал мне муж, я не стала его перебивать, хотя читала всю эту бредятину в его папке.

– Есть подозрение, что это наш убийца с глазами, а не зэки, – улыбаясь, сказала ему я.

– Я тоже сильно сомневаюсь, что это зэки, поэтому не отдаю дело в прокуратуру, картина не складывается, там слишком чисто и театрально, – расстроенный, тем, что оказался прав, и дело нужно начинать с нуля, ответил Виктор. – Но почерк же совсем другой. С чего ты решила, что это наш маньяк?

– Женщины без глаз – те, кто его творчество не оценил, а мужчина из дома под снос – как раз тот самый шедевр, который нуждался в оценке. Больше тебе скажу, это не единственный случай. Ищи другие «полотна», – облизывая нож после сочного мяса и хищно улыбаясь, заключила я.

Смотря на меня, Семенов хмыкнул, показывая, что знает, чем кончится дело.

Василиса уже две недели сидела в подвале Максима. Надежда на спасение медленно таяла. Если ее не отыскали ни

через сутки, ни через трое, ни даже через неделю, вполне возможно, что ее вообще никто не ищет. Друзей у нее особо не было, семья тоже быстро не заметит, что Вася пропала. На работе этого не пропустят, но вряд ли побегут в полицию. Пропала и пропала, мало ли куда загуляла сотрудница одного из многочисленных отделов.

С недавних пор Макс разрешил ей заказывать книги. Василиса попросила у своего тюремщика несколько томов и теперь путешествовала по мирам, на которые у нее вечно не хватало времени на свободе. Если так подумать, Максим хорошо ее кормил, приходил и рассказывал что-то интересное, внимательно слушал саму Василису. Она уже не первый раз наталкивалась на мысль, что Макс был идеальным мужчиной. Если бы не трупы и глаза в банках... К глазам, кстати, Вася уже привыкла. Ну глаза и глаза! Пусть смотрят и завидуют, что у нее хватило смекалки и нервов выжить. А они мертвы!

Дверь в подвал открылась, на пороге стоял Максим с охапкой цветов и красивой хрустальной вазой.

– Муза моя, как прошел твой день? – его сияющая улыбка вызвала ответную улыбку женщины.

– Очень увлекательно, – она поднялась из-за стола, забрала цветы, поместила их в вазу, наполненную водой, поставила на стол и обняла своего Максима. – Книги, которые ты принес лучше, чем я надеялась, когда читала обзоры на них. Вот, если бы ты еще разрешил мне пользоваться интернетом,

мне стало бы совсем здорово тут жить, – Василиса не особо надеялась, что он действительно позволит это, но, кто знает...

– Прости, муза, интернет будет отвлекать тебя от наших отношений. Я хочу, чтобы пока ты полностью отдалась им, – он легонько поцеловал ее в макушку.

Удивительно, но мужчина не пытался склонять ее к близости, он ухаживал. Приносил цветы, конфеты, водил на долгие прогулки под луной. Казалось, что он пытается построить нормальные отношения в этих безумных условиях.

– Я понимаю, Макс. Спасибо за цветы и книги, – Вася поняла, что не особо-то и расстроилась из-за его отказа.

– А еще у меня прекрасная новость, я почти закончил готовить свой новый шедевр, скоро я тебе его покажу! – он был так счастлив, что чувство это затронуло и Василису.

Она даже не сразу поняла, что Макс, судя по всему, хочет взять ее с собой на убийство. Там она сможет попытаться от него сбежать или остаться...

Пока моя уловка с социальными сетями, стояла как рыболовная сеть. Ловились туда, правда, исключительно любители трупов. Работой маньяка восхищались так, что это пугало. Сам творец на связь не выходил. Следственный комитет действовал по своим стандартам.

– По сводкам пропала еще одна женщина, возможно, это нашего дела не касается, но ознакомьтесь, – объявил полковник.

В папках, розданных нам, лежал листок с фотографией симпатичной девушки по имени Василиса Павлова, работающей в архитектурном бюро ведущим инженером. Ей был тридцать один год. Заявление от компании поступило в полицию после того, как Василиса не выходила на работу в течение недели. Эйчары пытались найти ее, но безрезультатно. По регламенту они подали заявление в полицию о пропаже, одновременно с ним разместив вакансию ведущего инженера.

– Товарищ полковник, разрешите повторно опросить коллег, родственников и друзей пропавшей? – предложил Семенов.

– Разрешаю. Гала Каримовна, составьте майору компании, ваша оценка не помешает, – согласился полковник, приказав мне идти с мужем. Он либо пытается нас отправить с глаз долой, либо действительно верит, что мы можем помочь. Допуска к секретным материалам у него нет, и для него я обычный доктор психологии, навязанный Москвой.

Семенов повез меня на квартиру Василисы. Перед вскрытием двери участковый, которого пригласил Семенов, собрал соседей в качестве понятых, и они вместе опросили их. Кроме, как милая спокойная и хорошая, Василису никто никак не описывал, и чтобы к ней в гости приходил кто-то, ни

один человек не припомнил.

Внутри небольшой скромной двухкомнатной квартиры было очень чисто, и первое, что бросалось в глаза – это книги, стоящие и лежащие везде. Среди них я заметила и свои работы. За большим столом стоял дорогой компьютер с огромным монитором и игровым креслом, которое не вписывалось в интерьер. Сразу становилось понятно, где Василиса проводила все свое время.

– Граждане понятия! Мы изымаем системный блок для следствия, – объявил Семенов и, пока он отстегивал провода от компьютера, участковый составил акт об изъятии, а соседи подписали его.

Дальше наш маршрут проходил через архитектурное бюро, где Семенов допрашивал коллег пропавшей. Все в один голос твердили, что она была увлечена общением в интернете с каким-то писателем. Она справлялась со своей работой очень хорошо и быстро, начальник отдела закрывал глаза на то, что большую часть времени она занималась перепиской и работала над какими-то текстами то читая, то исправляя их.

Семенов изъясил компьютер, чему начальник отдела сильно сопротивлялся, но после намека, что он сейчас поедет с нами, сам отцепил системный блок.

Я наблюдала за ходом следствия, и муж делал ровно то, что было нужно. Он напоминал рыбака, который медленно, но верно подтягивал леску с пойманной рыбой к берегу.

После опроса друзей и родственников, которые подтвер-

дили увлечение Василисы редакторством в интернете, Семенов сдал компьютеры айтишникам следкома.

– Я горжусь тобой, офицер! – поцеловав его в губы, произнесла я, впечатлившись его четкой работой.

Айтишники копались с компами дольше, чем хотелось бы. Им понадобилось четыре часа, чтобы взломать местонахождение писателя, с которым общалась пропавшая. Его IP был хорошо зашифрован. Рассекреченная точка указывала на загородный дом.

Было уже поздно, но Семенов, взяв табельное оружие, собрался проверить, кто там проживает.

Я не могла остаться и, дождавшись, когда мне откроют дверь машины, села на переднее сидение, закурив сигарету.

Было уже темно, когда вернулся Макс.

– Время пришло, моя муза. Я покажу тебе свое искусство! – голос фотографа наполнился таким жаром и радостью, что Василиса не знала, пугаться или радоваться вместе с ним.

«Муза» и «модель» – разные вещи, получается, он не убивать ее едет, а показывать убийство. Будет ли у нее шанс сбежать?

На выходе из дома Максим накинул на плечи Василисы теплое пальто. Была ранняя осень, но ночи уже стали холодными. В машине они ехали молча. Двери были заблокированы.

ны, да и выпрыгивать на ходу Вася бы не рискнула, она же не героиня боевика... В лучшем случае она расшибется насмерть, в худшем покалечится, и Максим снова поймает ее и добавит новую пару глаз в свою коллекцию.

Они ехали недолго, минут пятнадцать. Максим остановился, взял спортивную сумку с заднего сиденья и кофр с фотоаппаратом, потом вышел из машины, открыл дверь для Васи, помог ей выйти, взял за руку и повел в темноту.

Фотограф надел налобный фонарик и включил его. Лес стал светлее, но все равно пугал, ведь тьма за пределами луча фонаря только сгустилась, в ней могло скрываться что угодно. Умом Василиса понимала, что самый страшный хищник ее уже настиг, но сердце испуганно трепетало, страшась неизвестности.

– Искусство требует жертв, потерпи немного. Мы должны все закончить к рассвету. Я точно знаю, что свет в это время идеален. Вот увидишь, это будет шедевр.

По лесу они блуждали часа два, показавшиеся Василисе вечностью. Когда свет фонаря выхватил из тьмы полуобнаженную фигуру юноши, привязанную к стволу дерева, Василиса еле сдержала крик. Его руки были высоко задраны, веревки плотно обхватывали кисти. Юноша сидел, еле доставая до земли. Он был бледен, но жив.

– Мой Себастьян, – прошептал Максим, – Правда, он великолепен? И станет шедевром, когда я закончу.

Вася с трудом заставила себя кивнуть. Пленник действи-

тельно был красив какой-то печальной готической красотой. Почти белоснежная кожа, густые волосы, спускающиеся до основания шеи, большие глубокие глаза, в которых застыли боль и обреченность. Рот молодого человека закрывал кляп. Все, что Василиса сейчас могла сделать, это мысленно просить у этого незнакомца прощения. Она не сможет его спасти, как и себя. Когда-нибудь она точно из музы станет шедевром или художником.

У нее за спиной Максим копался в сумке. Когда он вытащил оттуда заряженный арбалет, девушка вздрогнула. Она не знала, какая смерть постигла святого Себастьяна, но точно знала, что мученики не умирали быстро.

Дом подозреваемого находился в удалении от города. Ровно настолько, чтобы шум и грязь города, не портили жизнь. Участок располагался на самой крайней улочке и был огорожен высоким глухим металлическим забором из трехметрового крашенного профлиста. Задний двор дома упирался в осенне-яркий даже в ночной темноте лес. С первого взгляда становилось понятно, что хозяин не хочет, чтобы кто-нибудь видел его частную жизнь, а соседство двора с лесом являлось отличным способом, чтобы приходить и уходить в дом незамеченным. Во дворе горел дежурный фонарь, освещающий все внутри желтым приглушенным светом. Также слабый огонек

виднелся на втором этаже.

Ворота в заборе оказались не заперты, что показалось странным. Войдя во двор, мы с Семеновым осмотрелись и направились к дому. Само строение было небольшим, сложенным из крупных бревен с высокой двухскатной крышей, где над первым этажом располагалась мансарда с одним окном и балконом.

На первом этаже ровно посередине стены находилась входная дверь, а по разные стороны от нее вырублены два окна средних размеров. Яркого света в доме не было, тусклый огонек на втором мог оказаться лампочкой какого-нибудь прибора. Автомобиль на стоянке во дворе отсутствовал.

Семенов позвонил в дверь, как и ожидалось, нам никто не открыл. Пока Семенов делал очередные попытки, нажимая кнопку звонка, я обратила внимание на дверной кодовый замок. Прекрасная вещь, чтобы не беспокоиться о ключах и освободить карманы. Достав фляжку с коньяком, я сделала большой глоток и выдохнула пары алкоголя на кнопки звонка. На морозном осеннем воздухе кнопки, которыми пользуются, должны были остаться не запотевшими. Образованию конденсата мешали жировые следы пальцев на них.

– Гала, что ты делаешь? – поинтересовался Семенов.

– Ты, конечно, можешь постоять на шухере, а я собираюсь войти в дом и посмотреть, кто здесь живет, – улыбнувшись, ответила ему я.

Забавно, но судя по тому, что я увидела, хозяин дома не

сильно беспокоился о безопасности своего дома. Не запотела только одна кнопка с цифрой пять, расположенная точно посередине клавиатуры.

– Сим-Сим, откройся! – произнесла я и пальцем нажала кнопку четыре раза.

Издав пищаний сигнал, замок автоматически открылся, предоставив нам возможность войти.

Семенов инстинктивно вытащил пистолет из кобуры.

– Ты действительно думаешь, что в доме кто-нибудь есть? – удивленно уточнила я.

– Если есть, то теперь он имеет право защищаться, так как сейчас преступники мы, – пояснил он свои действия.

Я не удержалась и крикнула внутрь дома: – Есть кто дома? А то Семенов может вас случайно застрелить! – После чего заметила выключатель и включила свет.

Мы прошли в коридор, потом в гостиную, – все внутри выглядело, как в витрине магазина мебели, аккуратно и нетронуто. У меня было такое ощущение, что здесь только что закончил работу дизайнер, и комната ожидает хозяев. Она не выглядела обжитой. На кухне было также чисто и безжизненно. Исключение составлял холодильник, в котором лежали готовые упакованные блюда из ресторанов на несколько дней.

– Странно, ты заметил, что здесь, как в музее, все нетронуто? – спросила я Семенова.

– Согласен, чувствую себя, как в Икее, – согласился он.

Поднявшись в мансарду, мы уперлись в закрытую дверь, ведущую в комнату. Взглянув на замок межкомнатной двери, я достала пластиковую банковскую карту и, просунув ее в щель, легко сдвинула язычок замка.

– В тебе столько скрытых талантов, дорогая, – ерничал стоящий позади Семенов, наблюдая за мной.

Уверена, он и сам бы легко справился с замком, но пусть в семье будет только один преступник.

Внутри мы увидели настоящее обжитое логово. Здесь была и незаправленная односпальная кровать, библиотека, рабочий стол, большое старинное бюро и шкаф для одежды, ведро для мусора заполнено пустыми коробками от еды из ресторанов. На большом столе с подставкой для ноутбука лежали книги, модные журналы и фотографии.

– Имея такой красивый дом, жить в одной комнате странновато, – произнес Семенов, осматривая помещение.

В шкафу кроме одежды мы нашли профессиональное фотооборудование. Книги, заполнявшие библиотеку, составляли винегрет: от классики до комиксов. Пока Семенов рассматривал содержимое ящичков бюро я, зная, что такие вещи делались с тайниками, искала заветный ключик. Ключиком к тайнику оказалась маленькая педаль на ножке, замаскированная под завиток. Когда скрытый ящик показался из столешницы, Семенов вытянул его и достал изнутри толстый фотоальбом.

Пролистывая его, мы увидели фото трупов. Очень эсте-

тичных трупов. На меня смотрели интерпретации практически всех известных картин, изображающих пытки и казни. Некоторые я даже не знала. Часть жертв уже попадалась мне в нераскрытых делах СК. Наш маньяк путешествовал по всей стране. Я оказалась права, убийства по картинам и девушки без глаз – творения одного психа.

– Мы можем убить сразу двух зайцев, избавившись от этого маньяка, – произнесла я, подразумевая закрытие сразу двух уголовных дел.

– Гала, каких двух зайцев ты опять собралась убивать, может, хватит уже? – ответил, насмотревшись фотографий, не понявший меня Семенов.

– Проехали, дорогой, – ответила я, решив не разжевывать ему суть моего предложения,

– Нужно обыскать дом и двор, последняя девушка жива и, возможно, она здесь, – высказала я свое предположение.

– Я вызову экспертов, они обшарят тут все, – доставая телефон, ответил Семенов.

– Ты мне птицу спугнуть хочешь? Маньяк может сюда еще вернуться. Сами поищем, – остановила его я.

Вернув все на свои места в комнате мансарды, мы стали осторожно обыскивать дом.

– Почему ты считаешь, что мы его еще не спугнули? – поинтересовался Семенов.

– Как я предполагаю, он совершает очередное убийство, а значит, если и вернется, то только к утру. Его шедевры и

фотосъемка занимают слишком много времени, – объяснила я.

Наш поиск вскоре дал свои плоды, мы нашли дверь, ведущую в подвал с внешним засовом, предполагающим что кого-то запирали там.

Внутри мы обнаружили помещение, где явно недавно держали человека. Помещение было более обжитым, чем весь дом: компактный переносной туалет, вода, стол и стул, посуда, хорошая кровать, даже шкаф с книгами и никаких следов насилия, все было аккуратно сложено, кровать заправлена, но никого живого. Только проектор постоянно показывал на стене фотографии из альбома нашего маньяка, задерживая каждую на несколько секунд.

– Он девушку убивать поехал? – спросил Семенов.

– Я не знаю, но не похоже, девушек он убивал, скорее всего, здесь, – ответила я, показывая на стоящие на полке банки с плавающими внутри глазами.

– Хорошо, тогда устроим ему засаду! – произнес Семенов, и мы покинули дом.

Первый арбалетный болт с легкостью вошел в белую плоть юноши. Он вздрогнул, глаза широко раскрылись от боли, потекли слезы, он орал сквозь кляп, но никто, кроме Васи и убийцы не мог услышать его криков.

На лице Максима появилось такое блаженное выражение, как у святой Терезы на знаменитой скульптуре. Макс творил, и ничто не могло помешать ему. Уж точно не Василиса, которая мечтала сбежать, но понимала, что в предрассветном лесу без фонарика сможет только свернуть себе шею, а не сбежать.

Фотограф перезарядил арбалет, привязанный к дереву юноша задержался, стараясь спрятаться, естественно, у него не вышло, он только зря перебирал слабеющими ногами.

– Ах, Себастьян, зачем же ты испачкал свои ножки? Они должны быть чистыми, – полушепотом бормотал Максим, прицеливаясь и высвечивая фонарикам фигуру раненого пленника из темноты.

Василиса знала, что сейчас он выстрелит, могла бы помешать, наверное, только вот, что дальше? Он спокойно возьмет новую стрелу, и все равно убьет парня, так хоть он сделает это быстрее. Когда-нибудь, если Вася выберется, ей придется покончить с собой, потому что жить с этим грузом вины вряд ли возможно...

Свист второй стрелы вырвал ее из этих мыслей. В свете белого луча фонаря умирающий юноша казался совсем уж бледным, он выделялся из общего пейзажа, как настоящее привидение. Его глаза были широко распахнуты, ноги отчаянно скребли по земле, веревки на руках впились в кисти рук.

Пленник был ранен, но, казалось, не собирался умирать.

Кровь он терял медленно, а раны, судя по всему, не были смертельными.

– Как же так, Себастьян?! Так дело не пойдет. Скоро рассвет, – покачал головой Макс, отчего луч света суматошно метнулся по близлежащим деревьям.

Он снова вернулся к своей сумке, порылся там и вернулся со здоровенным охотничьим ножом.

Шаги фотографа, идущего к своей жертве, были уверенными и спокойными. Вася же была испугана настолько, что не могла ни заорать, ни сдвинуться с места.

Макс приблизился к дереву, обошел его и очутился у пленника за спиной. Он вонзил острый нож парню куда-то в спину. Этого удара он пережить уже не смог. В прыгающем свете фонаря Василиса иногда видела распахнутые глаза, иногда капли крови, стекающие из ран по торсу.

Фотограф снова вернулся к своей сумке с ужасающим содержанием. Там он взял тряпку, смочил ее водой и вернулся к трупам. Он опустился перед своей жертвой на колени, аккуратно вымыл ноги юноши, изменил его позу, потом стер лишнюю кровь с тела другой тряпкой, даже замазал ранки от веревок на запястьях тональным кремом, вытащил кляп и протер лицо от слез. Потом накинул кусок красивой красной ткани своей модели на левую ногу.

– Вот теперь ты шедевр, Себастьян. Я спас тебя и сохраню для вечности.

Максим достал фотоаппарат из кофра и принялся делать

снимки. Василиса опустилась на землю и тихонько заплакала.

– Тебе жаль его? Ты тоже не понимаешь? – возмутился творец.

– Нет, что ты! Это слезы восторга. Я вижу, как прекрасен твой труд, – пролепетала она.

– Ты, действительно, понимаешь меня, – по щекам Максима струились слезы облегчения.

Он не замечал, как дрожит его муза или списывал это на утреннюю прохладу. Он продолжал делать снимки. Максим обязан сохранить прекрасное для будущих поколений.

Когда мужчина закончил съемку, он просто оставил тело и повел Василису обратно к машине. Лес постепенно светлел, пик рассвета остался на фотографиях. К дому они ехали в молчании. Максим прокручивал в голове воспоминания о шедевре, а Вася боялась пошевелиться.

Что что-то не так, Макс понял сразу, ни в одном из окон не горел свет, а он точно оставлял горящим ночник на втором этаже. Кто-то был в его доме. Его вычислили. Очевидно, та программка, которая скрывала его IP, оказалась не такой надежной, как ему обещали. Максим точно знал, что это не воры, а следователи. Он и сам не понимал, откуда знал это, но был уверен.

– Что ж, планы меняются, – сказал он и развернулся, уезжая прочь от дома, куда не вернется уже никогда.

Он ехал обратно к лесу, откуда они только что вернулись.

Остановив машину, он высадил Васю, подхватил свою сумку, взял девушку за руку и повел в чащу. Она не сопротивлялась. Ее легкое светлое платье развевалось на ветру.

Василиса не понимала, зачем они снова идут в эту чащу. Предчувствие было нехорошее. В какой-то момент она все-таки попыталась вырваться, но Максим не выпустил. Она дергала руку, потом вцепилась в запястье Макса ногтями второй руки, но мужчина терпел, не разжимая пальцев.

– Прости, моя муза, я хотел найти другую Жанну, но у меня нет времени.

Осознав, что Максим собирается ее убить прямо сейчас, Василиса заорала, вот только в лесу кроме нескольких птиц, никто не услышал ее криков. Она отчаянно вырывалась и вопила, пока маньяк тащил ее дальше. В какой-то момент он остановился и достал из кармана очередной моток веревки. Он крепко связал руки своей жертвы. Потом привязал ее к стволу довольно тонкого дерева, несколько раз обернув веревкой вокруг туловища, а потом крест-накрест зафиксировал ноги от бедра до колена. Максим даже кляп вставлять не стал, позволяя своей возлюбленной кричать до хрипоты, зная, что им никто не помешает. Сам он ушел собирать хворост. Он волновался. Очень. Этот шедевр нужно снимать молниеносно. У него будет совсем мало времени, чтобы снять ее прекрасной, потом пламя заберет его модель. В этот раз он не сможет часами подбирать ракурс и свет. Себастьян тоже был сложным из-за света, который нужно было

поймать, но Жанна... Жанна – его самый сложный и самый прекрасный шедевр. Нет права на ошибку. Его запомнят и будут восхищаться благодаря ней.

Шедевр, который он хотел превзойти, Максим увидел в одной из базилик во Франции. Картина запала ему в душу, он уже давно мечтал перенести ее на свои снимки, но боялся. А теперь времени бояться и выжидать нет. Его Жанна д'Арк вызывает к нему.

– Будь ты проклят, – прошептала Василиса, осознав, что сейчас произойдет.

Она уже не верила в чудо, не ждала спасения и проклинала больше себя, чем Максима. Надо было попытаться помочь тому парню, тогда они вместе смогли бы остановить больного ублюдка, который теперь прикончит и ее. Надо было постараться выхватить арбалет, удрать в лес или хоть заорать! Теперь уже все бесполезно!

Максим неторопливо раскладывал хворост возле своей Жанны. Когда он закончил, отошел на несколько шагов, взял фотоаппарат, потом достал газовую зажигалку и кинул ее в гущу хвороста. Сухие ветки занялись практически мгновенно. Он ждал. Ждал того мига, когда пламя начнет лизать стопы его Жанны. Ему нужно запечатлеть муку на ее лице. Она будет прекрасна. Палец на кнопке нервно подрагивал. Ожидание убивало и терзало Максима.

Вот, наконец, пламя добралось до фигуры девушки, она дернулась, замерла на мгновение. Его-то Максим и поймал.

Мгновение, ради которого стоило прожить жизнь. А потом лес наполнил душераздирающий крик горящей женщины. Он не стал смотреть. Убрал фотоаппарат и ушел. Ему не нужен этот обезображенный труп.

Фотограф знал, что сегодня последний день, когда он может творить, потому что его поймают. И он намеревался воспользоваться этим днем по максимуму. Ему еще предстоит создать свой последний шедевр. Холстом станет он сам. Уйдет в вечность.

Пока я дремала в салоне автомобиля в ожидании хозяина дома, Семенов кропотливо работал. Он запросил личное дело Максима Сергеевича Пескова, после чего отдал указание разослать в полицию ориентировку на розыск подозреваемого, согласовал приезд экспертной группы для обыска дома. Они ждали нашей отмашки. Когда на его телефон прислали личное дело Пескова, он любезно переслал его мне. С фото на экране моего смартфона смотрел молодой и довольно симпатичный человек, блондин, с модной модельной прической, в его глазах не читалось безумие, они больше говорили о нем, как о творческом человеке.

Ближе к рассвету в поселке стали появляться автомобили. Люди, работающие в большом городе, выезжали раньше других, чтобы не попасть в утренние пробки и только элегантно

ный Мерседес темно-зеленого цвета ехал в обратном направлении длинной улицы. Я буквально ожидала, что он сейчас проедет к дому подозреваемого, но на последнем повороте Мерседес замигал сигналом поворота и свернул налево.

Только минут через пять, когда заняла рука, я поняла нашу ошибку. Выходя со второго этажа, я погасила весь свет, а нужно было оставить маленький ночник, стоявший на столе. Преступник, возвращаясь, заметил, что свет погашен.

– Семенов! Гони за зеленым Мерседесом, это наш клиент!
– громко и внезапно крикнула я, чем напугала Виктора.

– С чего ты взяла? – заводя свой внедорожник, поинтересовался он.

– Интуиция, – тихо ответила я, мысленно дополнив свой ответ в голове: – И глупость.

Семенов не поехал по следу Мерседеса, а направил свою машину кратчайшим путем на единственный выезд из поселка, чтобы нагнать беглеца.

Проехав по дороге из поселка около пяти километров, мы увидели брошенный Мерседес, который, попытавшись спрятаться в лесу, засел в яме. Обе передние дверцы машины были распахнуты.

– Он, похоже, с заложником или с соучастником! – крикнул мне Семенов, доставая пистолет.

Сняв протез, я проткнула колеса Мерседеса и одно колесо на машине Семенова.

На его обиженно-удивленный взгляд я ответила: – Чтобы

никто отсюда не уехал, пока мы с тобой по лесу скачем, к тому же у тебя есть запасное.

Утреннюю тишину разорвал душераздирающий женский крик, доносящийся из глубины леса. Мы с Семеновым сорвались с места и изо всех сил побежали туда, откуда он раздался. Я, хоть и бегала каждое утро, не могла угнаться за Семеновым. Его широкая спина маячила далеко впереди. Когда я добежала до разбросанных повсюду горящих веток, Семенов уже пытался отвязать от дерева сильно обгоревшую, но еще живую девушку. Своим мечом я разрежала несгоревшие веревки, держащие ее, и девушка упала Семенову на руки.

– Куда он пошел? – крикнула я свой вопрос дертве и стала показывать мечом в разные стороны. Когда я показала на север, она чуть кивнула головой.

– Оставайся с ней, вызови скорую! – приказала я Семенову и побежала в сторону, куда указала потерпевшая.

– Галактика! – крикнул вслед Семенов.

Остановившись, я обернулась.

– Будь осторожна! – произнес он, глядя на меня.

В ответ я улыбнулась и послала ему воздушный поцелуй.

Охота началась!

Максим знал, что по его следу идут. Он прекрасно ориен-

тировался в этом лесу и выиграл немного времени. Время нужно было ему для того, чтобы загрузить свои творения в сеть. Их должны увидеть люди. Его шедевры останутся в веках! Фотограф заранее выбрал ресурсы, где такой контент не заблокируют, где его оценят.

Шкала загрузки двигалась до противного медленно. Смерть дышала в спину уже самому убийце. Еще чуть-чуть и дело будет сделано.

Максим прислушивался к шорохам леса. Тишина стояла звенящая. Подобраться к нему незамеченным было просто невозможно.

Закончив загружать свои творения в сеть, фотограф начал готовиться к заключительному этапу своего плана. Изначально он хотел стать Христом и остаться в веках именно в этом образе, но времени для подготовки уже не осталось. Нужно импровизировать. Пасть от пули мента тоже не так уж плохо. Главное контролировать выражение лица и успеть сделать снимок.

У Максима давно было готово оборудование для дистанционной съемки. Нужно только попасть в объектив камеры и нажать кнопку. Он установил фотоаппарат на дереве и ждал полицию.

Когда на краю поляны появилась женщина с мечом вместо руки, Макс испытал настоящий экстаз. Именно так он закончит свою жизнь и уйдет в вечность. От руки этой валькирии. Прекрасной, карающей, но и возносящей одновременно.

Мужчина спокойно дожидался, пока девушка приблизится к нему. Он уже точно знал, что сделает.

В выражении лица смерти с мечом вместо руки читались азарт и жажда убийства. Опыняющая картина. Макс не удержался и щелкнул затвором фотоаппарата, запечатляя прекрасную воительницу. Было бы больше времени, он мог бы сделать картину и из нее. Лишь на миг она перевела взгляд на фотоаппарат, потом снова сосредоточила внимание на Максиме. Ее шаги были уверенными и спокойными.

Даже такая опытная охотница, как Галактика, не успела среагировать, когда маньяк прыгнул на ее меч. За мгновение до того, как лезвие пробило грудь, он нажал на кнопку и начал серию снимков.

– В чем-то ты даже достоин восхищения, – пришлось признать охотнице на маньяков, снимая труп с лезвия. – Ты меня переиграл и умер на своих условиях.

Она достала фотоаппарат с дерева и пролистала получившиеся снимки. Нельзя было не признать, что мужчина был талантливым. Даже свою смерть он заснял так, что мурашки шли по коже не только от ужаса, но и от отвратительной красоты происходящего. Для себя Галактика решила, что, если Василиса выживет, она не станет удалять эти снимки.

Когда на поляну вышел Семенов, я задала ему немой во-

прос. Он отрицательно покачал головой, отвечая.

Я выделила на фотоаппарате последние кадры и стерла их.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. «ВОЗВЫШЕНИЕ НЕСУЩЕЙ СМЕРТЬ»

Ее звали Наталья Витальевна Шевченко, и, как только она закончила факультет иностранных языков, не задумываясь покинула родину и иммигрировав в Германию, которую считала прародительницей Российских императоров. После шестнадцати лет она расцвела: высокий рост, прекрасная фигура, идеальное лицо и шикарные длинные светлые волосы. Наталья уже тогда поняла, что управлять мужчинами очень легко, стоит лишь улыбнуться, и они готовы свернуть горы, а иногда и больше.

В Германии мужчины оказались не такими податливыми, но она находила поклонников и там, что обеспечивало ей безбедное существование. В двадцать три Наташа вышла замуж за местного аристократа и получила титул баронессы. Через год ей наскучило ублажать мужа, и она подставила старого хрыча, подослав к нему проститутку и детектива, нанятых за его же деньги. Испуганный перспективой опозориться на весь мир, барон беспрекословно пошел на развод и выплатил щедрые отступные за молчание.

Чтобы начать новую аристократическую жизнь, Наталья взяла себе новое имя Меланья и стала баронессой Меланьей фон Дитрих и еще много фамилий потом, которые она не запомнила, но они перечислялись в титульном листе, полу-

ченном после вступления в брак.

Однажды на фуршете у мэра провинциального городка, куда ее пригласил приятель – бизнесмен, открывающий в этом городе супермаркет, она познакомилась с влиятельным человеком из высокой политики.

Ее очаровало, как все стелились перед ним и беспрекословно исполняли его просьбы, будто это приказы.

Мысль о политической карьере засела у нее в голове, но первые же свои выборы в городской парламент она с треском провалила, истратив на них баснословные деньги. Это разочаровало Меланью, но сдаться не заставило. Далее, завершив, так толком и не начав, свою политическую карьеру в Германии, она переехала в Англию, в Лондон – финансовую столицу Старого света, где намеревалась попытаться удачу вновь.

Ей очень повезло, судьба сама все решила: в ресторане к ней без спроса подсел молодой джентльмен и попытался познакомиться. Когда официант отказался вызвать охрану по ее просьбе, Меланья заподозрила, что ухажер совсем непрост.

– Мое имя Джон Генри, вы меня не узнали? – представился он и нескромно поинтересовался о своей персоне.

– Где я могла вас видеть, Джон? – осведомилась Меланья, сменив тон с гневного на любопытствующий.

– Вы не видели последнее заседание палаты лордов, где я разгромил политику в области экономики этого никчемного

правительства Лейбористов? – искренне удивляясь, спросил он.

– Я не увлекаюсь политикой, – скромно солгала Меланья.

– Возможно, следующим премьер-министром буду я, – похвастался Джон Генри.

У Меланьи заклевала удочка, похоже, этот экземпляр ей отлично подходит, к тому же он молод и симпатичен.

– Угостите даму чаем, мистер Генри? – с ложной скромностью уточнила она.

– Зачем же чаем? – удивленно спросил мужчина и заказал самую дорогую бутылку шампанского.

Меланья сделала все, чтобы очаровать Джона, она была вежливой, слушала его с практически искренним интересом, умудрялась ненавязчиво демонстрировать свое декольте и длинные ноги. Но она не поехала к нему смотреть особняк, так как знала, что ночь, проведенная в одиночестве, заставит мужчину желать ее еще больше.

Через два месяца ухаживаний мистер Генри сделал ей предложение. Меланья знала, что покорила его раз и навсегда, всего-то и надо было, что заставлять мужчину выполнять свои прихоти, но так, чтобы он чувствовал себя хозяином положения. Свадьбу договорились организовать через год. Меланья не торопила своего жениха, наоборот, поинтересовалась, не рановато ли это по местным меркам. Она была уверена, что рыбка уже не сорвется с крючка, некуда спешить.

Через две недели рядом со своим перспективным спутником, она заметила девушку, строящую ему глазки.

– Кто эта очаровательная леди, что вас сопровождала? – поинтересовалась она у Джона.

– Это Виктория, моя очень талантливая помощница к тому же хороший юрист, – спокойно, не видя поводов для ревности, ответил ей жених.

Произошедшее дальше стерлось из памяти Меланьи, она очнулась поздно ночью, бродила по улице с окровавленным ножом в руках. Она даже не сразу поняла, где находится. Спрятала нож в плащ и с трудом оттерев руки от засохшей крови, попыталась прийти в себя. Ее трясло от непонятной злости и страха, но она не могла вспомнить, что произошло. После часа блуждания по улицам, не соображая, как выбраться из каменного лабиринта и нащупав в кармане банковскую карту, Меланья остановила рукой одиноко проезжавшее такси.

– Вас кто-то напугал? – поинтересовался таксист.

– Нет, извините, мне кажется, я заблудилась и заболела, – ответила Меланья.

– Говорите адрес дома, я вас довезу, или вам в больницу? – произнес таксист, намекая на ее бледный вид.

Меланья назвала адрес за квартал от их с Джоном дома, понимая, что кровь на руках не ее и нож, лежащий в кармане, намекал на что-то страшное, чего она абсолютно не помнила.

Джона дома не оказалось, сегодня проходило очередное

заседание палаты лордов, а после него он обычно возвращался домой к утру слегка выпивший, отмечал победу или заливал поражение в дебатах.

На следующий день Джон приехал домой раньше обычного и был чрезвычайно возбужден, расстроен и сильно нервничал.

– Что с тобой, милый? – поинтересовалась Меланья.

– Викторию убили! Зверски убили! – закричал он: – Миграционная политика этого сраного правительства всех нас угробит.

– Дорогой, как убили? – удивленно поинтересовалась Меланья.

– Ворвались к ней в дом, выпотрошили, отрезали голову, руки, ноги и все раскидали по разным комнатам, кроме того, что ее расчленили, на ней насчитали более ста ножевых ранений, они превратили ее в кусок мяса! – закричал Джон, и из глаз его потекли слезы, похоже он и правда, очень ценил помощницу.

– Я сожалею, – тихо ответила Меланья, успокаивая жениха, и отчего-то испытывая удовольствие и удовлетворение.

Россия, Москва

– Мама, где мне взять джинсы? – спросил Дима.

– Где и всегда, в своем шкафу, – ответила я, нервничая перед приемом у врача. Я понимала, что со мной, но нужно

было убедиться, что все в порядке.

– А где мой шкаф? – продолжал задавать глупые вопросы Дима после переезда в новый дом.

– Дима, в комнате, где ты проснулся. Это твоя комната, там стоит твой шкаф, в котором, лежат твои джинсы, – ответила я, показывая на дверь комнаты и улыбаясь, прям сказка про смерть Кощея.

– Понятно, спасибо, мам! – он не пошел, а побежал туда.

Этот мальчик после нескольких сеансов забыл, как погибли его родители и искренне верил, что я его мать, а Семенов отец. Возможно, когда он повзрослеет, я сниму блок с его памяти, но только не в этом возрасте, когда травма может погубить его.

Через сорок минут мы с Димой подъезжали к поликлинике, Настя опять не ночевала дома, а ее телефон говорил, что выключен. Из-за этой великовозрастной балбесины пришлось тащить Диму с собой.

«Вечером я устрою ей наказание в виде прополки сада и заставлю отдраить весь дом!» – придумала я, как отомстить этой маленькой уголовнице, из-за которой пришлось тащить ребенка к врачу, к которому я хотела бы пойти одна.

Мне не нужны были свидетели при вынесении вердикта о моем состоянии.

– Я, что заболел? – поинтересовался Дима, увидев поликлинику, куда мы ездили, когда он подхватил ангину.

– Нет, Дима, никто не заболел, просто мне нужно погово-

ритель с доктором, – ответила ему я.

– Мам, ты же сама врач? – удивленно спросил он.

– Я доктор, который правит мозги, а мне нужен врач в другой области, – ответила я на его вопрос, когда мы поднялись к кабинету.

– В какой? – продолжил терроризировать меня своими вопросами приемный сын.

Оттого, что сама сильно нервничала, хотелось промолчать или осадить его любопытство, но я ответила: – После приема скажу, а ты пока посиди тихо в приемной.

Медсестра любезно приняла у меня Диму и увлекла его игрушками, похоже, я не единственная мать, которой не с кем оставить ребенка.

После того, как доктор проверил мои внутренности и визуально, и тактильно, и через аппарат, позволил мне одеться и сообщил: – Поздравляю вас, доктор Моне, с вашим мальчиком все хорошо и никаких признаков опасности нет. Растите малыша и относитесь к нему бережно!

На обратном пути Дима добил меня своими вопросами, и я честно ответила, что скоро рожу ему братика. Он поначалу не понял, что я сказала, а потом замер с довольным или даже пугающе довольным видом.

Вечером я объявила новость Семенову, который сначала умчался за цветами, а после предложил мне безалкогольное шампанское.

– Семенов, я беременна, а не больна циррозом, – возму-

тилась я, после чего мы распилили самое вкусное игристое вино из нашей коллекции.

Настя вернулась ближе к вечеру, и на мой вопрос, где она пропадала, грустно с реально заплаканными глазами ответила, что была на поминках, а телефон потеряла.

– Поясни, пожалуйста, какие поминки, кто умер? – попросила я разъяснений у еще одной приемной, но великовозрастной дочери-уголовницы.

Настя рассказала, что, когда она работала в модельном агентстве, познакомилась с девушкой Викторией, в студенческие годы они были лучшими подругами. Да и теперь, почти десять лет спустя, поддерживали связь. Вика выбрала международную карьеру и уехала в Лондон работать юристом, а вчера в общем чате агентства сообщили, что она умерла, вернее ее убили, жестоко убили, прямо в доме. Известно, что скорее всего это сделали мигранты, возможно, Вика слишком вызывающе одевалась, но тот факт, что ее изрезали ножом, расчленили и отрезали голову, говорил об особой жестокости.

– Извини, я думала ты опять на рейве каком-нибудь отдыхала, – исправилась я, а припасенные наказания последуют позже, уверена, Настя не заставит себя долго ждать.

После того, как мы объявили ей новость о моем положении, она переключилась с печали на поздравления, и мы отлично всей семьей провели вечер. Семенов, узнав радостную весть, стал чересчур опекать меня, даже не давал самой схо-

дить до холодильника за соком.

Великобритания, Лондон

Полиция не смогла выйти на след убийц Виктории даже спустя месяц. Меланья была в курсе хода следствия, так как ее жених курировал расследование от парламента. Она постепенно успокоилась и занялась своим планом. Стоило ей проявить хоть малейший интерес к работе жениха, как Джон тут же выкладывал всю информацию, вплоть до секретной. Однажды Меланья даже остановила его, сказав:

– Джон, мне кажется, я не должна это знать.

Мистер Генри был очарован тактичностью невесты и только еще больше стал доверять ей.

Вскоре после этого случая мистер Джон Генри начал готовиться к предвыборной компании своей партии, которая продвигала его, в случае победы, в качестве премьер-министра, а значит, он должен был стать и лицом, и голосом партии Консерваторов.

Меланья с удовольствием слушала репетиционные речи Джона. Жених, видя ее внимание и понимание его работы, вскоре стал пускать ее в свой мир все чаще. Мистер Генри нуждался в одобрении невесты. Меланья замечала это и, когда Джон стал полностью зависеть от ее мнения, она ласково, намеками, давая ему выбор, начала поправлять его речи, написанные лучшими политологами Англии. Дальше боль-

ше – некоторые речи, которые произносил мистер Генри, были полностью написаны Меланьей. Когда он их декламировал, публика его боготворила и готова была носить на руках. Они были продуманны до мельчайших деталей и цепляли какие-то важные струны в душе каждого, находя отклик.

На одном из фуршетов друг детства Джона и соперник по партийной принадлежности по совместительству, поинтересовался, откуда он берет такие свежие яркие и нестандартные идеи для своих предвыборных речей, на что захмелевший от виски мистер Генри рассказал, что речи ему пишет невеста.

Меланья стояла рядом и, заметив блеск в глазах мистера друга, не успела одернуть жениха. По пьяни он выложил политическому оппоненту козырь, который может уничтожить его политическую карьеру. Публика поднимет его на смех!

Меланья быстро увела Джона домой и уложила спать рядом с собой. Она ужасно замерзла, пока размышляла, как вытащить жениха из ловушки, в которую он сам себя загнал. Его объятия не смогли согреть ее тело, и Меланья решила принять горячую ванну.

Товарищ Джона из Лейбористской партии, мистер Рино, узнав о тайне конкурента, готовился раструбить новость во все средства массовой информации Англии, чтобы журналисты растерзали мистера Генри. Он знал, что даже без доказательств они сожрут его, как политика.

Мистер Рино поднялся в свою двухэтажную квартиру, где

жил один и налив себе бренди, произнес тост: – За политическое убийство мистера Джона Генри!

Он поднес бокал к губам и почувствовал, как что-то острое скользнуло по его шее, проникая внутрь и оставляя обжигающий след. Мистер Рино попытался что-то сказать, но у него не получилось, так как горло наполнялось горячей вязкой жидкостью, которая стекала по шее и снаружи, смачивая и нагревая тугой воротник накрахмаленной рубашки. Через мгновение он понял, что умирает. Голова закружилась, тело ослабло и закаменело, с трудом он повернул голову, чтобы взглянуть на убийцу.

На мистера Рино смотрела молодая красивая девушка, но что-то странное было в ее глазах, как будто смотрела вовсе не она, а страшный демон из глубин ада.

– Меланья?! – прохрипел он, и жизнь оставила его тело на растерзание демону.

Меланья проснулась уже в ледяной ванной, но холода не почувствовала. Вода была красноватого оттенка, но женщина не помнила, что добавляла что-то. Вокруг валялась ее изорванная в клочья одежда, заляпанная густым коричневой соусом.

– Что произошло со мной? – задала она вопрос сама себе. Ее тело горело, и вода была недостаточно ледяной, чтобы его остудить, а руки била сильная дрожь.

Выбравшись из воды, Меланья начала собирать свои рваные вещи в пакет, нож звонко упал на кафельный пол, выва-

лившись из остатков одежды.

– Опять ты кого-то убил? – почему-то улыбаясь и заигрывая спросила она у ножа и спрятала его под ванну. Одежду она сожгла в камине и перед рассветом снова легла в объятия Джона.

Меланья догадывалась, что убийства, которые происходят вокруг, ее рук дело. Еще в школе кто-то зарезал двух мальчишек, которые ее задирали, и так происходило постоянно, даже журналист в Германии, который обрушил ее рейтинг, назвав «русской» был зарезан при ограблении.

Как она и предполагала, мистера Рино нашли у себя дома с перерезанным горлом, вырезанным языком и отрезанными пальцами. Как и при предыдущем убийстве, полиция не нашла улик, и общественность в очередной раз списала все на мигрантов. Благодаря этому Меланья написала такую пламенную речь, где мистер Генри буквально поклялся отомстить за убийство своего друга и, наконец, разобраться с правопорядком в стране. Рейтинги Джона Генри были поднебесные, даже сторонники Лейбористской партии симпатизировали ему и его предложениям.

Через восемь месяцев Консерваторы одержали оглушительную победу, и Великобританию возглавил сэр Джон Генри с первой леди баронессой Меланьей фон Дитрих-Генри.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. «ЦИРК НА ПЕРВОМ СВИДАНИИ»

Россия, Москва

Они общались через соцсеть уже три месяца, и только сегодня Вика, наконец, решила на встречу со своим новым другом. Виктория с самого утра ждала ответ Олега на предложение пообщаться вживую и ни на секунду не выпускала телефон из рук. Они переписывались все три месяца, а еще созванивались и болтали ночи напролет. И вот теперь Олег не отвечал на ее приглашение в ресторан...

Только в конце рабочего дня, когда Вика заканчивала отчет о проделанной работе, телефон завибрировал. Пришло долгожданное сообщение.

Странно, но Вика испугалась того, чего ждала весь день.

«А если он откажется?! Я буду выглядеть в его глазах полной идиоткой, приставалкой озабоченной!» – подумала Вика, не поднимая телефон.

Ее собеседник был поэтом, он часто скидывал ей свои стихи на оценку, и Вике они действительно нравились. Единственное, что ее настораживало в них, так это его странный и даже пугающий стиль: все стихотворения были написаны от лица либо умирающей, либо мертвой девушки, но сама

поэзия была прекрасна и трогала до глубины души.

Собрав все свое мужество, Вика взяла телефон и открыла сообщение.

«Спасибо за приглашение, это так неожиданно с твоей стороны. Я всегда представлял тебя очень застенчивой. Я приду, но только с одним условием: за ужин, заплачу я! Если ты согласна, скинь мне сердечко и увидимся в ресторане».

Вика тут же отправила ответ в виде картинки с бьющимся сердцем. Ее радости не было предела, и одновременно с этим она сильно нервничала, через три часа ей нужно быть при полном параде в ресторане, а до этого надо забрать ребенка из садика, отвести его к маме, нарядиться и прибыть в ресторан без опоздания. Вика выбрала ресторанчик, стоящий недалеко от дома. По какой-то причине здание бывшего детского сада в спальном районе Москвы было продано, и теперь там расположились небольшой парк и ресторан грузинской кухни.

Вика выключила компьютер и, попрощавшись с коллегами, которые не собирались отрываться от своих дел, хотя рабочее время закончилось, покинула офис. Ей было двадцать восемь лет, ее сыну пять, она родила его от случайной связи после единственной пьяной вечеринки. Она и сама толком не помнила лица парня, ставшего отцом, но, узнав, что беременна, сразу решила, что будет рожать.

Вика была стройной, может даже немного худой; красотой ее бог не одарил, но и страшной ее тоже не назовешь.

При переписке они с Олегом обменивались фотографиями, и не теми, которые сделаны через фильтры, а самыми обычными, повседневными, так что он знал, с кем идет на свидание.

Рассматривая фото Олега, Вика поняла, что поэты не так уж плохо живут. У него был дорогой импортный автомобиль, а одежда, которую он носил, явно не из дешевых магазинов. Одни часы на его руке, с которыми он не расставался, стоят, скорее всего, несколько тысяч долларов.

Вика буквально влетела в садик, встречая и здороваясь с уже знакомыми мамашками и папашками. Игнорируя последующие разговоры, она устремилась в группу своего сына.

Воспитательница помогла Денису одеться, он уже был практически готов идти к бабушке.

– Елизавета Максимовна, большое спасибо! – поблагодарила воспитательницу Вика.

– По вам, Виктория, можно часы сверять, ровно в семнадцать двадцать семь вы заходите в группу за Денисом, и чтобы тут не толкаться, мы с Денисом готовимся к вашему приходу, – улыбнувшись мне, ответила пожилая стройная и симпатичная воспитательница. На ее лице было написано, что она интеллигент в десятом поколении, и это вызывало уважение, дети в ее группе старались быть похожими на нее.

– Денис, я тебя сегодня оставляю у бабушки, а завтра из садика заберу, ты ведь не против? – спросила Вика у сына.

– Я люблю бабушку, она меня балует, может, и в садик

завтра не поведет, а еще дедушка обещал покатать меня на машине! – довольный ее предложением, ответил сын.

У Вики все получалось и, сдав сына радостной матери, она помчалась домой.

На вечер девушка выбрала самый лучший наряд, коим оказался строгий костюм из юбки и пиджака синего цвета. Посмотревшись в зеркало, Вика заметила, что если бы надела пилотку на голову, то выглядела бы, как стюардесса, но менять образ времени уже не оставалось и, схватив куртку и сумку, она помчалась в ресторан.

На половине пути Виктория сбавила шаг, так как почувствовала, что начинает потеть, а прийти на свидание с кругами под мышками, было бы не очень красиво.

Вика опоздала всего на две минуты, но Олег уже сидел за столом с двумя расставленными бокалами вина и лежащим на столе букетом роз.

Сняв куртку, Вика прошла в зал ресторана и, сев напротив симпатичного мужчины, сказала: – Извини, я немного задержалась.

Олег посмотрел на свои дорогие часы и, улыбнувшись, вежливо ответил: – Уважающая себя дама всегда должна чуть задерживаться, это создает интригу и придает очарования!

Ужин был превосходный, как и вино. Ожидания Вики от Олега не только оправдались, он даже превзошел их. Как ей показалось, мужчина не лукавил, и она действительно была

ему интересна. Если учесть, как он выглядел, ему не было нужды хвататься за первую встречную, он мог заинтересовать кого-то и покрасивее Вики.

Парочка мило болтала, ужиная, а когда время подкралось к ночи, Олег прямо спросил у Вики, хочет ли она провести с ним ночь. Это были не уговоры и не соблазнения, а просто прямой и честный вопрос.

Вика немного растерялась, но вино и он сделали свое дело: – Да! – ответила девушка на предложение ухажера.

Олег хотел поехать в гостиницу, но Вика жила рядом, а сын ночевал у бабушки, и она предложила пойти к ней домой. Купив еще вина и шоколадный торт, они пешком дошли до дома Вики.

Поднявшись на восьмой этаж, зашли в квартиру, где в коридоре Олег поцеловал ее в губы. Они целовались и обнимались минуты три, после чего Вика сняла верхнюю одежду и, включив свет, прошла в комнату, где опешила от увиденного.

В ее квартире на ее диване сидел высокий мужчина в зеленом смокинге и загримированный под клоуна.

– Что вы тут делаете? – спросила она.

– Извини дорогая, я не расслышал, что ты сказала, – произнес Олег, зайдя в комнату вслед за Викой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.